

ПОМАНИЛ КУДА-ТО

«Несколько лет назад у нас был замечательный самодельный театр «Глобус». Буквально весь город знал и любил его артистов — студентов Гродненского университета. Их спектакли не раз показывали по телевидению, побывал театр и за границей. Но однажды, три года назад, прошел слух, что ребят взяли в профессиональный театр в Новгород. Мы и радовались за них, и опасались: все-таки не шутка — так круто изменить жизнь! Бросить университет, отказаться от профессии, оставить дом, расстаться с родными. А в двадцать лет не очень-то разбирают все «за» и «против». Но успокаивали себя тем, что не на свой страх и риск едут, серьезные люди взяли на себя ответственность за их судьбу...»

Это письмо прислала Л. Лебедева из Гродно. Мы еще познакомим вас с письмом, но пока я расскажу подробнее о тех не совсем обычных событиях, которые автору, не выезжавшему в Новгород, известны мало.

В своем первом спектакле они играли... собак. Тогда у них родился ритуал, понятный только им одним: перед спектаклем, или экзаменом, или просто вечером, расставаясь друг с другом, они становились в кружок и, сцепившись в центре руками, провозглашали ликующее «гав!».

Как очутились они в Новгороде? «Глобусом» руководила актриса Гродненского театра Нелли Васильевна Короткевич. Однажды она пришла на репетицию и спросила: «Ребята, кто из вас хочет стать профессиональным артистом?»

В зале стало тихо. Владимир Александрович

Короткевич, главный режиссер областного театра и муж Нелли Васильевны, собирались уезжать в Новгород. Все было рассчитано заранее: он открывает при театре студию, и ребята из Гродно поступают туда вне конкурса, учатся, одновременно принимая участие в спектаклях... В Новгород вместе с Короткевичами отправились шесть человек.

Но студию при театре открыть не разрешили. Тогда В. Короткевич предложил сделать «спецнабор» в культпросветучилище. Официальных объявлений не было. Но в коридорах училища несколько раз прозвучала та же соблазнительная фраза: «Хочешь стать артистом?». На курс, которым руководить взялась Нелли Васильевна, поступило шестеро гродненских и столько же новгородских ребят.

— Днем и ночью мы пропадали в театре, — рассказывает Саша Шоколадов. — Репетировали, помогали устанавливать декорации, девочки мыли окна, полы, в общем, делали, кто что попросит.

Это было, пожалуй, самое счастливое время. Нелли Васильевна начала ставить с ребятами спектакль «Последнее лето стая», тот, что про собак. Как все нравилось им: они наблюдали за животными на улице, разыскивали истории про них в литературе, а потом на занятиях делали этюды — каждый показывал «своего» собаку.

Не прошло и трех месяцев, как ребята вышли на сцену. Нет, не в училище, не в клубе — в настоящем профессиональном театре как настоящие профессиональные артисты.

— Знаете, наш спектакль имел такой успех, — говорит Ира Хомутова. — Нам кричали «бис!», дети писали записки, а потом приехал автор и сказал, что мы сыграли его пьесу лучше, чем профессиональные артисты.

Несложный драматургический материал, зитуизм, с которым участники каждый раз выходили на сцену, — это и определило их успех. Но ребята расценили его по-своему.

— Артисты театра не смогли бы сыграть так, как мы, — говорит Лена Кочетова. — У них профессионализм, а у нас душа, у них мастерство, а у нас непосредственность.

А жизнь театра тем временем шла своим чередом. Приближались школьные каникулы, и срочно понадобилась сказка. Нелли Васильевна поставила «Золушку» за очень короткий срок. Половину ролей там играли ребята. Так тщательно, как над первым спектаклем, работать было некогда. Положение, по всей видимости, должно было спасти оригинальное режиссерское решение: поручить роли мачехи и двух сестер... мужчинам. Актеры рослые, широкоплечие, оделись в платья времен Людовика XII, напялили парики, приклеили ресницы и начали

изошряться в передаче «фактуры». А студийцы, глядя на них, должны были верить, что это и есть искусство.

Впрочем, грубые слова, пошлые выходки в этом театре давно стали привычными и на сцене, и за кулисами. Скандал мог вспыхнуть из-за рассыпанной пудры, из-за баночки вазелина, закатившейся под гримерный стол.

Защитить ребят Короткевич не мог. К тому же у него самого начались конфликты с труппой. Чужими чувствовали себя ребята и в училище. Частые пропуски занятий (ночные репетиции, выходы со спектаклем на сцену) не нравились преподавателям. «Нашли артисты» — полназвешливо называли их в училище. «Мы стали нервными, дергатыми, грубили друг другу, хлопали дверью», — рассказывает Ира Хомутова. Идиллическая атмосфера студии единомышленников исчезла. Не помогло уже и магическое «гав!».

Последние полтора года Короткевичам вообще некогда стало заниматься студией. Владимир Александрович один за одним начал выпускать спектакли, Нелли Васильевна играла в них главные роли. Ну, а студийцы... Если заболел исполнитель, они надевали костюм и выходили на сцену порой без репетиций, порой не зная слов.

Летом они вместе строили планы: поставить дипломный спектакль. Нелли Васильевна начала писать пьесу о «Глобусе». Ребята знали, что конфликт главного режиссе-

ра с артистами и администрацией достиг предела, но они даже мысли не допускали, что Владимир Александрович может их бросить накануне окончания училища.

И вдруг стало известно: Короткевич уходит из театра, получив назначение в другой город.

Он уехал. А ребята остались в Новгороде.

«Можно ли было, не зная, как сложатся условия в новом театре, срывать ребят с места, обещать невесты что? — спрашивает в своем письме Л. Лебедева. — А если уж ошибся, то можно ли было бросать их вот так, неизвестно на каких правах и в каком качестве? Никто у нас в городе не думал, что Короткевич может так безответственно поступить...»

Ну, а что сам Владимир Александрович?

Когда мы встретились с ним в Минске, он почти ничего не знал о судьбе оставленных в Новгороде учеников да и не считал, что должен ею интересоваться.

— А что, собственно говоря, случилось? Они взрослые люди, сами решили поехать в Новгород, пусть теперь сами и думают, как им быть дальше. Для меня это был своего рода эксперимент. Всем известно, как трудно главному режиссеру входить в новый коллектив. Мне нужны были единомышленники — это во-первых. Во-вторых, труппа в Новгороде старая, а для любого спектакля нужны молодые лица. Вот я

и решил набрать студию. И, кстати, ничуть об этом не жалею. Как бы я мог без массовки поставить, например, «Анну Каренину»? Я думаю, они тоже не жалеют о том, что два года прожили в театре. Что с ними будет дальше? Полагаю, устроятся, в театрах не хватает молодых актеров. Жаль только, меня лишили удовольствия полюбоваться результатами своего труда — не дали поставить с ними дипломный спектакль. А здесь, в Минске, у меня большие планы: надо обновить репертуар, поставить несколько хороших спектаклей, осенью обещали дать группу студентов в театральном-художественном институте...

А в это самое время студийцы как раз и пытались «устроиться как-нибудь», но это плохо у них получалось. Как учащимся культпросветучилища — ведь именно так числились они официально, и все разговоры о «спецнаборе» так разговорами и остались — ребята предстояло распределение в клубы Новгородской области. Но в клубы ехать они не хотели: «Как же так, мы бросили университет ради театра!»

Решили уйти из училища до окончания. Администрация, испугавшись такого большого отсева, обещала им выдать свободные дипломы. Как они устроят свою жизнь — это теперь только их забота.

Л. Лебедева, написавшая в редакцию, в конце письма просит помочь ребятам. Но

как им помочь? Обратиться к ректору с просьбой восстановить их в университете?

Саша Щербин сидит, опустив голову:

— Нет, в Гродно я не вернусь, стыдно перед товарищами, неудобно перед преподавателями. Пока работаю в Новгородском театре машинистом сцены, что будет дальше — неизвестно.

Есть еще один путь: если уж ребята так любят театр, может, стоит им попробовать поступить в театральное училище?

— Что вы! — воскликнула Ира Хомутова. — Мы уже готовы для сцены, теперь заниматься этюдами и упражнениями нам просто неинтересно.

— Будем ездить по театрам, показываться, — поддержал Иру Саша Кочетов, закончивший в свое время химико-технологический институт.

И ездят. Недавно в одном областном театре я встретила Сашу Шоколадова.

— Приехал показываться, может, повезет...

Вот такая история. Я слышала мнение человека практичного, трезвого, который убежден, что говорить тут не о чем, ничего особенного не случилось: ребята сами виноваты во всем, в двадцать лет надо самим отвечать за свои поступки.

Верно, все верно: нельзя до седых волос оставаться таким младенцем, за которого все проблемы решают «взрослые дяди». И если бы

они, уже состоявшиеся граждане, оказались в данной жизненной ситуации, как бы это сказать, внутренне взрослее, самостоятельнее, ответственнее и за собственную судьбу, и за судьбу дела, то вряд ли они столь доверчиво и в общем-то безрасчетно пошли на сомнительный зов. Но это их состояние придется списать на счет молодости.

Мы же говорим об ответственности — служебной, правдивой, просто человеческой — за их судьбы со стороны их старших коллег, в данном случае их прямого наставника, который помянул куда-то, а дорогу не указал. Он мог бы и должен бы отнестись к своим питомцам не как к «материалу» для собственных «мизансцен».

Тот же мотив надо обратить и в адрес «альма-матер» наших героев — их наставников из университета. Как же так: накануне выпуска несколько человек вдруг резко меняют жизненный курс. И никого это не встревожило, не вызвало естественно-го желания выяснить — куда же вы, ребята, и зачем?

Конечно, они не пропадут. Есть у ребят дипломы об окончании культпросветучилища. Но я и сейчас вижу опущенные плечи Саши Щербина, робкий, вопросительный взгляд Саши Шоколадова, растерянные лица девушек, и мне трудно представить их сегодня ватагой счастливых, которые, не раздумывая, поплы за человеком, убедившим их, что «если есть на земле чудесное, то это — театр».

Н. РУСАКОВА,
наш спец. корр.
НОВГОРОД—МИНСК.

Соб. кувонур, 1984, 14 июля, №84